

~~Cinderella~~ Дризелла

Дэя Лим

Дэя Лим

Дризелла

«Автор»

2026

Лим Д.

Дризелла / Д. Лим — «Автор», 2026

Все мы помним сказку про Золушку: красавица отправляется на бал вопреки воле злой мачехи, встречает там принца, сбегает, теряет туфельку. Познакомьтесь с историей, где привычный сюжет переворачивается с ног на голову! В этой версии «Золушки» хрустальную туфельку находит вовсе не принц, а Дризелла — сводная сестра главной героини и старшая дочь графини де Тремейн. Не спешите записывать её в злодейки: это девушка, отчаянно мечтающая вырваться из-под удушающей опеки матери. Когда принц объявляет награду за сведения о таинственной красавице с бала, Дризелла видит в этом свой шанс обрести свободу. Однако судьба приготовила ей сюрприз: теперь она должна помочь принцу в поисках невесты, даже не подозревая, что та находится совсем рядом. Погрузитесь в захватывающую историю о выборе, свободе и неожиданных союзах — переосмысление классической сказки, которое понравится и поклонникам жанра, и любителям нестандартных сюжетов.

© Лим Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	26
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Дэя Лим Дризелла

Глава 1

Я ненавижу свою мать. Звучит не очень красиво, верно? Только не спешите осуждать: видят боги, эта женщина первой меня невзлюбила. Во всяком случае, другого объяснения, почему вашу покорную слугу нарекли Дризеллой, у меня нет. Саму маму зовут Элеонор Фрэнсис де Тремейн, или леди Тремейн. Наш отец был графом Тремейн, но из-за того, что матушке не удалось зачать наследника, после смерти папы титул отошел его племяннику. Новый граф пытался ужиться с мамой, но в итоге нам пришлось покинуть родной замок, и затем мама нашла нового мужа...

Ладно, «ненавижу», пожалуй, звучит слишком; скорее, я ее... не очень люблю. Сложно любить человека, которому ты не нравишься, а маме мы обе не нравимся: и я, и моя сестра-близняшка Анастасия. Вот сейчас, к примеру, мама в стотысячный раз начала жаловаться, что боги не даровали ей хотя бы одну дочь с нормальной фигурой:

— Вы обе как мальчишки: ни груди, ни бедер! Ладно, если бы у вас хоть мордашки были миловидные, так нет. Одна длинноносая, у второй нос картошкой. За что мне такое наказание?!

Самое обидное, что она права: мы с сестрой далеко не красавицы и различаемся, пожалуй, только формой носа да цветом волос: у меня они черные, а у Анастасии — огненно-рыжие. По мне так очень красивые — я всегда немного завидовала ее шевелюре. Если насчет нашей внешности матушка говорила правду, то вот по поводу того, что боги не дали ей красивой дочери, она несколько лукавит, ведь, по крайней мере, по закону такая дочь у нее есть, и как раз сейчас она вплыла в гардеробную со стопкой выглаженной одежды.

Золушка. Имячко тоже не из лучших, но, думаю, всем плевать, как ее зовут. Такую красавицу могли бы звать даже Дризеллой — и это никого бы не смутило. Высокая, стройная, с осиной талией, в отличие от нас, и бедра, и грудь у нее явственно присутствовали. Лицо не просто «миловидное», а по-настоящему красивое: аккуратный носик, большие глаза цвета ясного неба, нежный изгиб губ. И вдобавок целый каскад золотистых волос, спадающих крупными волнами, при виде которых наши искусственные завитки сразу начинают казаться жалкими. Золушка была прекрасна — и это первая причина, по которой моя мать ее возненавидела, но далеко не последняя.

— Наконец-то, — пробурчала мама, — положи их сюда. Ты столько провозилась с ними, что мы того и гляди опоздаем на бал.

— Извините, леди Тремейн, — Золушка всегда звала ее так, — с этими оборками пришлось повозиться.

— Ладно, ступай. Тебя, кажется, еще ждет готовка ужина — не думай, что если мы уезжаем, то тебе не надо готовить.

— Конечно, ужин будет готов в срок, и да, Дризелла, я случайно испортила одну из твоих лент. Этот шелк такой коварный: чтобы прогладить — надо нажать посильнее, нажмешь сильнее — начинает темнеть. В общем, мне жаль.

— Ничего, — ответила я, чувствуя укол совести: совсем забыла запереть Люцифера, а ведь знала, что Золушке приказали погладить наши вечерние наряды. Вы спросите — какая связь между котом и гладкой белью? Самая что ни на есть прямая, если знать, кто на самом деле гладит в этом доме. Мы знаем, но никогда об этом не говорим, потому что люди, говорящие подобное вслух, очень быстро оказываются в комнате с мягкими стенами и крепко связанными руками. Мыши не могут гладить — это всем известно! Да и как этим малышам удастся сдви-

нута раскаленный металлический утюг? И вот тут, если вы начнете объяснять про сложную систему рычагов, которую мышцы сконструировали специально для глажки, — вас точно упекут в психушку. Мыши не гладят! Но когда я закрываю Люцифера — мордастого перса матушки, — одежда становится более проглаженной и без таких вот мелких изъянов, как эта несчастная потемневшая лента.

— Это безобразие! — матушка не была склонна так легко прощать чужие ошибки, неважно чьи. — Я требую от тебя большей внимательности, Золушка. Дай сюда, — она забрала ленту. — Это все!

— Как скажете... миледи, — вот это «миледи» было сказано вроде бы предельно вежливо, но одновременно так саркастично, что аж скулы сводило (у маман так точно). Однако леди Тремейн сдержалась и просто проводила девушку своим фирменным ледяным взглядом.

— Держи, Дризелла, — она протянула мне испорченную ленту. — Край можно прикрыть бантом, только стряхни с нее... в общем, почисти ее хорошенько.

Матушка чуть было не сказала «мышиную шерсть», но вовремя сдержалась.

Потемневшая лента не могла испортить мой сегодняшний наряд — впервые за долгое время наши с мамой вкусы почти совпали. Это платье из зеленого шелка, отделанное черным кружевом, было не только красивым, но и превращало мою костлявую фигуру в изящную. Все дело в удачном расположении кружев: «воланы» на плечах и лента, притороченная к талии, создавали красивый переход от плеч к талии, к тому же волнообразная вставка на груди зрительно увеличивала ее — в общем, мне очень нравилось, как я в нем выгляжу. Если бы мама еще разрешила мне купить шляпку, сшитую к этому платью, — изумрудную с чудесной кружевной вуалью! Но мама только фыркнула, когда я примерила шляпку в салоне: «Дорогая, с твоим клювиком ты проткнешь эту вуаль в первый же день! Оставь такие шляпки вдовам, а волосы украсишь шелковыми лентами».

Вот... украсила.

Но вид все равно шикарный! Анастасия считала так же; шепнув, что зеленый мне к лицу, я, в свою очередь, похвалила ее коричневое шелковое платье с отделкой из лент более темного цвета. К сожалению, мама отказалась купить ей наряд из голубого шелка, мотивировав это тем, что сестра выглядит в нем «как утопленница».

Весенний вечер дышал прохладой, и северный ветер, будто стараясь смыть городскую духоту, уносил прочь тяжёлый запах навоза, обычный для тесного, забитого каретами двора. На бал маркизы Аргайл стеклось столько гостей, что казалось, будто весь свет решил сегодня явиться сюда разом.

Зайдя внутрь, я невольно пожелала вернуться во двор — внутри царил такая духота! Воздух был пропитан слоями запахов: сладкие духи, пудра и одеколон, смешанные с запахом пота и горячим воском от сотен свечей. Это была та самая удушающая смесь, от которой у неподготовленного человека тут же темнело в глазах.

Дамы вокруг щеголяли в туго затянутых корсетах, и их лица, несмотря на улыбки, выдавали напряжение. Я в который раз мысленно поблагодарила судьбу за то, что из-за вечного отсутствия служанок затягивать мой корсет приходилось миссис Бэгшоу. У неё не хватало ни сноровки, ни сил, и потому корсет сидел на мне куда свободнее, чем полагалось.

К маман приблизилась ее заклятая подруга — графиня Торрингтон:

— Дорогая, чудесно выглядишь! И твои прелестные дочки. Какое милое платье, Дризелла.

Я тут же покраснела — мне нечасто делали комплименты.

— Ты уже слышала? Я была в выходные в имении герцогини Ратленд, и она поделилась со мной свежими сплетнями. Представляешь — во дворце готовятся дать бал! И не просто бал! Они хотят пригласить всех знатных девиц королевства! Разве это не восхитительно?! О-

ох, как же я жалею, что у меня одни сыновья. Бал для всех девиц. Дело явно в наследнике престола — говорю тебе — принцу ищут невесту, и ею может стать любая знатная дама, даже одна из твоих дочерей, — графиня кивнула в нашу сторону, улыбнувшись, но мама будто бы не разделяла ее восторгов:

— Это пока еще только сплетня, дорогая; может, они пригласят только пэров или вообще никакого бала не будет.

Однако позже мама отказалась от своих слов, поскольку ее вторая близкая подруга — маркиза Аргайл, по совместительству хозяйка бала и главная сплетница высшего света, — поделилась новостью о том, что король заказал портрет принца у знаменитейшего мастера Европы — Ганса Ван Дейка. Того самого, написавшего портреты половины монарших семей в мире. Казалось бы, ничего удивительного — просто очередной портрет принца, но новость взбудоражила умы светских завсегдатаев:

— Говорят, он уже приступил к работе!

— А вы знаете, в каком костюме позирует принц?

— Уверена, что он будет в зеленом бархатном жакете, ну, может, и не в нем, но обязательно в чем-то зеленом — ведь этот цвет подчеркивает удивительные глаза его высочества.

Не только костюм принца взволновал общество. Вот уже несколько лет среди дворян не утихали сплетни по поводу женитьбы наследника престола. И портрет, исполненный кистью известного живописца, — верный признак того, что король надумал-таки женить сына. Копии портрета разлетятся по свету, ко всем дворам монарших особ, у которых имеются дочери подходящего возраста.

— Давно пора! — изрекла матушка, когда маркиза заикнулась об этом. — Крепкая наследственность — вот основа монархии. Принцу необходимо обзавестись собственными наследниками.

— Конечно, хотя, признаться, я немного расстроена тем, что король не воспринимает наших дочерей как достойные кандидатуры на роль королевы. Это немного обидно, ведь его жена была графиней. Это давало надежду всем матерям королевства... ну, ты понимаешь? Твои дочери, наверно, расстроены? Я слышала, что дочь герцога Ратленда, едва узнав о портрете принца, лишилась чувств прямо посреди бала. Бедняжка. Она так надеялась! Многие думали... но что теперь об этом говорить?

Я не особо вслушивалась в щебет маркизы, но ее пассаж о нашем с Анастасией расстройстве меня позабавил. Нет, возможно, дочь герцога и верила, что сможет стать королевой (я слышала, что она — настоящая красавица), но мы с сестрой не были представлены ко двору и даже не видели принца вживую. Поэтому — никакого расстройства! Пусть принц возьмет в жены хоть заокеанскую дочь вождя. Меня это не волнует.

Тут я увидела в толпе Грегори — вечер сразу стал приятнее. С мистером Грегори Пенроузом я впервые встретила на приеме у маркизы Хартфорд. Его посадили по левую сторону от меня, и весь ужин Грегори пытался вести светскую беседу. Проблема была в том, что семья мистера Пенроуза была хоть и весьма небедной, но абсолютно лишенной хоть каких-либо связей с дворянством вплоть до прошлого лета, когда его сестра вышла замуж за баронета. Это дало шанс войти в общество, и, хотя Грегори получил хорошее образование, включая танцы, поэзию, греческий язык и латынь, манеру общения светских франтов он не усвоил. Поэтому вместо хитросплетения туманных предложений и двусмысленностей бального флирта он беседовал со мной на темы, которые казались ему интересными: торговля шелком и любимые книги. И это было прекрасно!

Сомнительные манеры мистера Пенроуза, как сказала мама, меня не волновали: он говорил со мной как с другом — прямо и открыто. То, что он интересовался, что я скажу в ответ, было как глоток свежего воздуха. И пусть он не знатен, зато его семья была богата; думаю, даже

матушка осознавала, что мистер Грегори Пенроуз — неплохая партия, а уж его семья точно была бы рада породниться с дочерью графа.

Самого Грегори нельзя было назвать красавцем в том смысле, какой свет вкладывал в это слово: черты его лица были простыми, чуть грубоватыми, а светло-карие глаза смотрели не с надменной холодностью, а внимательно и с участием. Шатен, невысокий, крепкий — в нем чувствовалась какая-то приземленная основательность, которую мама с лёгким пренебрежением называла «крестьянской фигурой». Но разве я сама была изящной нимфой, что украшает альбомы художников? Нет. И эта наша неидеальность странным образом нас сближала.

С Грегори было легко, свободно, будто рядом с ним можно было не притворяться, не подбирать слова, не прятать неловкость за отточенными манерами. А когда он улыбался — каждый раз, стоило нам встретиться, — в его улыбке было столько искренней радости, что моё сердце невольно отзывалось тем же теплом. Казалось, сама судьба нарочно подкидывала нам эти встречи: то на прогулке, то на приёме, где мы умудрялись найти тихий уголок, то в магазине сладостей, даже в лавке модного платья, куда он зашёл по делам отцовской фирмы.

В настоящий момент Грегори разговаривал с каким-то джентльменом возле камина, и, поскольку матушка отвлеклась, приветствуя виконтессу Честертон, я решила не упускать возможности подойти поздороваться с ним:

— Добрый вечер, господа! Мистер Пенроуз, не знала, что вы посетите сегодняшний прием; ваша сестра говорила, что вы вернетесь из Бембриджа только в конце месяца.

Он сразу же повернулся ко мне и улыбнулся — никакой светской маски, никакой натянутой любезности:

— Здравствуйте, леди Тремейн, как всегда, счастлив встретить вас. Мне удалось вырваться пораньше — не хотелось пропускать столь грандиозный прием.

Сегодняшний вечер ничем не выделялся среди прочих светских раутов: те же лица, те же разговоры, тот же тяжелый аромат духов, оседавший в воздухе, словно пыль. Но всякий раз, когда Грегори рассказывал о подобных приемах, они обретали в его устах совершенно иной оттенок: «Музыканты превзошли сами себя! — так и слышался мне его воодушевленный голос. — Я словно побывал в райских куцах! А ужин — изысканное вино и превосходное мясо, оно буквально таяло во рту! Ах, вечер леди Уотридж был само совершенство!»

Тогда как я помнила совсем другое: душную тесноту зала, едкие мамины замечания насчёт кислого пюре, дрожащий голос певицы, сбивавшейся на высоких нотах, и нелепый спор между хозяином дома и лордом Кавендишем по поводу политики. Наверное, всему виной была новизна: семья Пенроуз лишь недавно начала появляться в свете, и Грегори не успела приестся атмосфера салонов и толкучка балов.

А может, он и правда был из тех редких людей, кто умеет радоваться мелочам? Кто не замечает кислого пюре, потому что рядом подали изумительный десерт? Кто слышит не фальшь, а старание? Мне хотелось в это верить, так же как и в то, что мы станем счастливой семьей.

Я почти не сомневалась, что мистер Пенроуз хочет сделать мне предложение — после нашей последней встречи он прислал мне корзину цветов. Ну, в письме не было указано конкретно мое имя, просто: «Прекрасные цветы для прекрасной леди от мистера Пенроуза». Но кому еще он мог их прислать? С Анастасией они почти не разговаривали, да и он не смотрел в ее сторону. Матушка, конечно, выразила свое недовольство аппетитами семьи Пенроуз:

— Он правда думает, что его внимание льстит нам? Мало того, что эти нувориши имеют наглость посещать балы, теперь они считают себя удачной партией для леди? Королю следовало ввести для торгашей новые налоги, а то деньги бьют в голову этим беднякам.

Но цветы она оставила, а значит, не была против ухаживаний мистера Пенроуза; наверное, решила, что мой неравный брак станет стартовой площадкой для Анастасии — и уж она урвет кого-то получше «мистера».

— Вы уже слышали разговоры о предстоящем королевском бале? — спросила я о самой громкой сплетне вечера.

— Да, волнующая новость — наверняка это будет поистине грандиозно! — с этим было сложно спорить. Королевский бал — это совсем другой уровень.

— И, возможно, после него мы узнаем имя избранницы принца, — я позволила себе лукавую улыбку в надежде, что мистер Пенроуз поймет мой прозрачный намек о нашей возможной помолвке. В конце концов, ему уже пора было переходить к более активным действиям — пригласить меня на прогулку по парку или спросить разрешения прийти к нам с визитом.

— О, это было бы замечательно, — мне показалось, или мистер Пенроуз слегка покраснел? — Принцу пора уже обзавестись наследником...

Надо же, у них с мамой, оказывается, есть схожие взгляды.

— ... Семья и наследие — главные столпы монархии, не так ли?

— Разумеется, хотя сейчас многие не торопятся вступать в брак. Отходят в прошлое брачные традиции наших родителей — когда выбор за жениха и невесту делали их семьи. Мне кажется, что сейчас, когда начали прислушиваться к мнению самих молодых людей, счастливых браков станет больше.

— Полностью с вами согласен, — с жаром ответил Грегори. — То, что зов сердца нынче не пустой звук, — несомненное доказательство развития общества. И мы можем... надеяться, что нам удастся... что мы не будем отвергнутыми нашими избранниками, — смутившись, мистер Пенроуз замолк, но после слов про «зов сердца» я и так его плохо слушала, мысленно составляя список гостей на нашу свадьбу.

Семья и наследие... что ж, звучит неплохо!

Отсутствие постоянного штата прислуги приучило нас с сестрой к небывалой свободе передвижения. По правилам этикета нас с Анастасией постоянно должна была сопровождать либо старая матрона, либо личная горничная, но Золушка умудрялась отводить от нас уйму прислуги. Поэтому в настоящий момент мы либо ходили вместе с матушкой, либо кто-то из нас ходил в сопровождении экономки, а вторая — маменьки. Но миссис Бэгшоу не всегда могла выйти из дома: дни прихода мясника, булочника и зеленщика, а также большой стирки вынуждали ее оставлять нас на произвол извозчиков и подружек, у которых, в отличие от нас, были сопровождающие.

Вот и сегодня матушка ушла на чай к леди Говард, миссис Бэгшоу была занята стиркой, а потому мы с Анастасией выехали на прогулку в парк вместе с дочерьми маркизы Аргайл — Аннабель и Элизабет. В парке было многолюдно: множество няnek с детьми, последние носились вокруг пруда, рискуя сбить с ног прохожих. Торговцы сладостями медленно рассекали толпу, возбуждая аппетит своим ароматным ассортиментом: жареные каштаны, яблоки в карамели, засахаренные фрукты, шоколадные конфеты в яркой обертке. Мы купили по яблоку и расположились в беседке на берегу пруда. Разговоры, как обычно, свелись к потенциальным женихам.

— В этом сезоне интересных новичков нет, — авторитетно заявила Аннабель.

— Не скажи! — возразила ее младшая сестра. — А как же барон Марлей, вернувшийся с учебы за границей? Богатый наследник и к тому же весьма милый.

— Это он-то милый? У него же лысина намечается, и это в 23 года!

— Зато черты лица красивые и фигура вполне статная.

— Нет, я скорее согласилась бы выйти за мистера Пенроуза, но, кажется, он уже занят, не правда ли, Дризелла? — Аннабель хитро улыбнулась, повернувшись ко мне.

— Не понимаю, о чем ты, — сказала я максимально равнодушным тоном, но щеки предательски заалели. «Надо же, другие тоже заметили, что мистер Пенроуз проявляет ко мне повышенный интерес».

— Не самая плохая партия, — кивнула Элизабет. — Пусть они и не дворяне, зато какое состояние!

— А что насчет графа Ковентри, Аннабель? — спросила Анастасия. — На балу леди Торингтон он дважды пригласил тебя на танец. — Теперь пришла очередь краснеть леди Аргайл.

Через час сплетен и болтовни о джентльменах девушки решили скататься в лавку шляпницы — посмотреть, не привезли ли расшитые шелком бархатные перчатки, которые ждали на этой неделе. Я, в свою очередь, попросила высадить меня возле городского рынка, обещая подойти в лавку позже.

Анастасия понимающе улыбнулась: она знала о моем тайном пристрастии — рыба, точнее копченая рыба, — прекрасный дар моря. Мама категорически запрещала употреблять ее в пищу из-за запаха, «неподобающего леди». Поэтому в доме ее никогда не держали, но изредка я покупала рыбку на рынке, чтобы втихаря съесть ее на пустой кухне. Если бы матушка узнала об этом... страшно даже представить, что за этим последовало. Наверное, заперла бы меня в моей комнате. И ключ держала бы при себе. Но рыба стоила этого риска. Разумеется, леди нельзя было появляться в таком месте, как общественный рынок: одно дело — лавка модистики, и совсем другое — целая площадь «невоспитанной черни» (по ласковому определению мамы). И да, мне было здесь не по себе — слишком много людей, криков, грязи, хотя сама атмосфера рынка завораживала: эти люди казались куда свободнее, нежели разодетые завсегдатаи балльных залов. По крайней мере, женщины вели себя куда свободнее, хотя мама бы сказала: «развязнее».

Вот и миссис Брукс, знакомая торговка рыбой, ругалась как сапожник и часто смеялась громким и лающим смехом.

— А-а-а, мои глаза старой больной женщины меня не обманывают? Это ж леди-рыбоек!

Не самое милое прозвище, но от мамы я слышала и похуже.

— Добрый день, миссис Брукс! — натянуто улыбнулась я, потому что ее возглас про «леди-рыбоек» привлек внимание половины рынка.

— И вам не хворать, вашмильсь. Чего сегодня приглянулось? Есть отличная треска, вполне приличная палтусина, пикшу вам не предлагаю — это для нас, для простых людей, а может, старую добрую «кипперс»? Глядите, какая красавица! Янтарная, что твои глазки.

— У тебя глазки тоже ничего, Мэдди, — шаловливо заявил торговец за соседней лавкой.

— Вот только от тебя приятностей мне не хватало, Слюнявый Билл! Не смущай леди. Дыши в сторону, а то виски несет — аж в глазах темнеет.

— Дык утречком прохладно было, ну и...

— Да ну тебя. Будете брать, вашмильсь?

— А? Да, конечно, пару кусочков сельди, пожалуйста.

— Пару так пару, — миссис Брукс упаковывала рыбу в промасленную бумагу, и я бережно уложила сверток в свою сумку. Плевать, что пропахнет рыбой, — проветрю ее потом на балконе.

Сестра и леди Аргайл уже купили перчатки и посмотрели все новинки, так что, после того как я подошла к лавке, мы отправились по домам. Дома Анастасия ушла в музыкальный салон — тренироваться игре на фортепиано. У меня по расписанию тоже должна была быть музыка — пение, но я не спешила присоединиться к сестре. Пусть поиграет в свое удовольствие, а я пока сбегая на кухню.

Кухня с некоторых пор превратилась во владения Золушки (не считая того, что так-то весь дом принадлежал ее отцу; правда, мистер Даррем не раз его закладывал, а мама выплатила закладные, так что это был спорный вопрос). Приближаясь к дверям кухни, я невольно замедлила шаг, не зная, то ли покашлять, то ли, наоборот, подкрасться и прислушаться. Там ведь

мог находиться кто угодно: мыши, птицы, Золушка с ухажером. Надо было взять Люцифера и запустить его первым. Я все-таки замерла, прислушиваясь. Вроде бы тихо. Может, Золушка в саду или у себя в комнате? Ладно, глупо топтаться на месте, тем более что мама скоро вернется из гостей. Я решительно открыла дверь — кухня встретила меня полной тишиной. Слава богу! Можно спокойно полакомиться.

Хоть я не так часто заходила на кухню — ради рыбы и, может, за стаканом молока на ночь, когда у нас был «безслуговой» период, — но точно знала, где находится ящик со столовыми приборами, поэтому очень удивилась, когда на привычном месте не оказалось ножа для рыбы. На всякий случай я открыла соседний ящик — там был жуткий беспорядок. Словно кто-то вытряхнул содержимое, а потом быстро запихнул все обратно, не сложив, как было. И куда же запропастился этот проклятый нож?!

— Я могу тебе чем-то помочь, Дриззи? — сердце сжалось от испуга, хотя «Дриззи» меня звала только Золушка; на миг мне показалось, что это вернулась мама. Золушка стояла в дверях с корзинкой, в которой виднелась репа (все-таки она была в саду), и смотрела на меня с крайним подозрением. Наверное, видела, как я роюсь в ящике.

— Я тут... ищу нож для рыбы, ты его не видела? — чуть заикаясь, спросила я, тут же разозлившись на себя: неужели так сложно спокойно спросить?

— Нож для рыбы? Понятно, — Золушка насмешливо улыбнулась, стрельнув глазками на мою сумку. Естественно, она знала про мою запретную страсть. — Он был где-то здесь, — сказала она и открыла дверцу шкафчика.

«Шкафчик?! Я точно помню, что он лежал в ящике».

— Миссис Тревис, наша последняя кухарка, сделала небольшую перестановку, и я не успела вернуть все на прежнее место, — объяснила Золушка, заметив мою растерянность.

— А, ну... хорошо, молодец. Может, ты хочешь бутербродов с рыбой?

— Спасибо, но у меня еще много дел: графиня Тремейн велела обрезать розовые кусты, и я еще не приступала к этому, так что извини, в другой раз, — девушка мило улыбнулась, тогда как у меня на душе сразу стало гадко, будто это я заставляла Золушку работать за всех слуг.

Золушка вернулась в сад, а я, постояв, принялась резать рыбу для бутербродов, не чувствуя той радости, что переполняла меня еще пять минут назад. Что тут можно сделать? Хотя... кое-что я могла: например, сделать пару бутербродов и принести ей в сад. Бедняжка, поди, еще не обедала. Воодушевившись, я быстро нарезала рыбу и хлеб, масло, привезенное только сегодня, чай — благо возле камина всегда стояло ведро с чистой горячей водой. Уложив еду на поднос, я выглянула в сад.

Непохоже, чтобы Золушка надрывалась, обрезаая кусты: Винс Гиффард, наш друг детства, вовсю орудовал садовыми ножницами, Золушка же сидела рядом на скамье.

— Ты такой сильный, Винс! Я с трудом обрезаю одну ветку, когда ты подравниваешь сразу пять. Удивительно, чувствуется талант — тебе стоило стать садовником!

Парень расплылся в довольной улыбке, а я... решила, что Золушка не так уж и голодна.

И все-таки как ей удастся говорить с мужчинами так, что они готовы выполнить любое указание? И все это непринужденно, не краснея как рак и не заикаясь. При том, что ее никто не учил светской болтовне, тогда как нас с Анастасией буквально заставляли заучивать бессмысленные фразы, на которых держится светская беседа. Раздумывая об этом, я чисто машинально начала жевать бутерброд, не заметив, что поднимаюсь с подносом в свою комнату. Очнуться от размышлений о превратности судьбы мне помог разъяренный взгляд матушки, преградившей мне путь:

— Дризелла Элеонор Августа де Тремейн! Ты снова притащила в мой дом эту вонючую гадость. В который раз?!

Ну вот, а день так хорошо начинался.

Глава 2

Лучшая мастерская дамских нарядов в столице принадлежала мадам Лебур (для постоянных клиентов — Вики). Она была по-настоящему талантливой модисткой; к тому же покойная супруга короля обожала платья, сшитые госпожой Лебур. Неудивительно, что первые дамы королевства — герцогини, графини и прочие — одевались только у нее. И, разумеется, матушка не могла устоять перед такой репутацией и после переезда сразу же стала постоянной клиенткой мадам Лебур.

Не только благосклонность королевы помогла ей завоевать сердца придворных дам: Вики Лебур обладала настоящим даром создавать наряды, сводившие людей с ума: дам поражали ткани и отделка, а их супругов — цены. Мода — жестокий тиран, диктующий свои правила. К примеру, нижние юбки становились все пышнее, и, дабы вынести их вес, кринолин из китового уса заменили сеткой со стальными пружинами. Ходить в платье стало труднее, не говоря уже о танцах или акробатических номерах наподобие «вылезти из кареты».

Спустя неделю слухи, гулявшие на приеме маркизы Аргайл, подтвердились: глашатаи на всех площадях торжественно объявили, что грядет Королевский бал. Все знатные девицы королевства получили приглашения, мы с сестрой — в том числе. Сложно передать атмосферу безумного волнения, охватившего высшее общество. Столько всего надо успеть сделать! Подготовить платья, шляпки, перчатки, туфельки, накидки (нам еще нужно заказать карету и нанять лакеев). В ателье и изысканных дамских лавках тут и там вспыхивали яростные бои за последнюю пару кремовых атласных туфель.

К счастью, у нас уже были платья, подходящие для предстоящего торжества: их сшили к ежегодному балу герцогини Ратленд, поскольку матушка была уверена, что в этот раз нас непременно пригласят. И поскольку этот бал считался «гвоздем сезона», то и наряды все готовили шикарные. Мы долго спорили с маман по поводу выбора фасонов платьев, и в кои-то веки нам удалось прийти к консенсусу: и мама дала согласие на цвета, которые понравились нам с Анастасией.

Мое платье было воздушным и искрящимся, словно наряд феи. Футляр и юбка из нежно-голубого атласа, а поверх него — кружевная паутинка тюля. Больше всего мне нравилось оформление рукавов и декольте: каскад золотистых и белых бусинок сверкал при каждом движении. Не припомню, чтобы у меня был столь прекрасный наряд.

Анастасия наконец-то уговорила маму на голубое платье: юбку украшал сложный серебристый орнамент, а декольте — белое кружево и яркие бантики из голубого шелка.

На последней подгонке платьев перед балом мама не могла перестать потчевать нас наставлениями:

— Вы должны понимать, что привлечь внимание принца вам не удастся! На этом балу будут сотни девушек, которые моложе, богаче и с аккуратными носиками, поэтому не пытайтесь приблизиться к принцу. К счастью, король не сумасшедший, так что бал не будет представлять собой однородную толпу девиц на выданье: туда приглашено также множество знатных молодых людей. Так что постарайтесь найти какого-нибудь не совсем нищего баронета или младшего графского сынка. И улыбайтесь! О боги, Дризелла! Не пугай меня! Я имею в виду милую скромную улыбку, а не оскал сумасшедшей. Анастасия, не горбись! Король предоставил вам уникальный шанс — постарайтесь не упустить его. Помните, как писал в своей поэме Ковентри Пэтмор: «Мужчине нужно угождать, но угождать ему — удовольствие для женщины».

— Если это так, то почему мы покинули папино имение из-за того, что дядя «слишком много всего требует»? Он недостаточно мужчина или вы не вынесли столько удовольствия?

— Дризелла! Оставь свои пошлые колкости при себе, я сгорю от стыда, если ты скажешь нечто подобное в обществе.

«Обещаешь?» — я с трудом подавила желание сказать это вслух, но после такой дерзости мама, чего доброго, вообще запретит мне ехать на бал.

Утро знаменательного дня выдалось суматошным: экономка, Золушка, даже дворецкий Глэнвилл — все бегали туда-сюда с поручениями графини Тремейн. Мама вызвала на дом мастера по прическам, при этом серьезно рассорившись с леди Хатчестон, уверявшей, что она забронировала этого специалиста еще месяц назад. Мастер О'Генри, после недолгих раздумий, выбрал сторону маман, поскольку злость леди Хатчестон меркла в сравнении с гневом отвергнутой графини.

На создание причесок ушла уйма времени, но спустя четыре часа мы с Анастасией были почти готовы к балу — осталось всего-то накраситься, надеть платья и аккуратно погрузиться в карету. Миссис Бэгшоу и Золушка помогали нам с одеждой. Нам с сестрой было неловко смотреть в глаза Золушки, учитывая, что в принципе, как падчерица графини, Золушка имела право прийти на бал. О, она, без сомнения, затмила бы своей красотой всех придворных дам, но матушка скорее пришла бы на бал в наряде танцовщицы варьете, нежели пустила туда Золушку. Это было несправедливо, а заставлять девушку помогать нам готовиться к балу — еще и жестоко. Это обстоятельство несколько омрачало все радостное волнение по поводу Королевского бала, хотя сама Золушка была совершенно невозмутима, словно и бала никакого нет, а мы едем на очередной прием.

Мама не разрешила нам нормально поест: «Как вы сядете за стол? Вы же помните платья!». Как будто несколько часов тряски в карете их не помнут. Поэтому мы ограничились бутербродами, предварительно занавесив драгоценные платья простынями.

— Поскольку людей будет слишком много, бальных книжек нет, значит, вы должны постараться, чтобы потанцевать хотя бы с одним кавалером. Хорошо бы нам выехать заранее, чтобы занять место поближе к трону.

— Чтобы потенциальные партнеры по танцам не смогли убежать от нас на другой конец залы?

— Да, Дризелла, именно так! Я думаю о вас, такой шанс нельзя упускать. А теперь покажите мне, как вы делаете реверанс в этих платьях.

— Мама, — Анастасия закатила глаза, — мы умеем делать реверанс.

— Уметь и делать красиво — разные вещи.

Спорить было бесполезно, мы с сестрой послушно присели в реверансе.

— Да снимите простыни, милостивый Боже, будто подушки ожили и склоняются надо мной. Вот, так лучше. Выпрями спину, Анастасия. Дризелла, глаза в пол, и улыбайся.

— Да, это такой дивный пол, как тут не улыбнуться.

— Я вижу бусину возле стола, — Анастасия решила мне подыграть. — Мам, можно уже выпрямиться, а то колени болят.

— За что мне достались такие неблагодарные дочери? Миссис Бэгшоу, велите кучеру седлать лошадей, мы готовы ехать на бал.

Путешествие до королевского дворца сложно было назвать увлекательным: в карете душно, а приоткрыть окно не представлялось возможным из-за клубов пыли. Толчея на выезде задержала нас на два часа, матушка была в бешенстве — конечно же, ведь стало понятно, что танцевать вблизи трона не получится. Остаток дороги мы слушали ее мрачные размышления на тему: «Вся судьба под откос из-за плохих дорог, нерасторопных кучеров, наглых выскочек, не дающих проехать вперед графине».

— Вблизи трона будут самые высокопоставленные лица, вы могли бы привлечь внимание наследника графского титула! А вместо этого — скажите спасибо, если удастся станцевать с захудалым виконтом.

Пейзаж тоже не располагал к веселью: сплошные поля, изредка разбавленные лесной просекой. Поскольку мы опаздывали, мама разрешила лишь одну остановку для «зова природы». Радость от замеченных вдали башен дворца омрачила вереница карет на дороге — здесь нам тоже пришлось простоять немало времени. Мама выглядела так, словно республика стала казаться ей не столь отвратной формой государственного правления.

Как и все королевские вотчины, дворец походил скорее на город, нежели на отдельный замок. Первыми мы проехали аккуратные дома прислуги — во дворце трудились тысячи слуг. Далее шли главные ворота защитной стены — тут нам опять пришлось постоять. Наконец вереница карет заканчивала свой путь возле ворот парка. Мама жаловалась, что дорога до самого дворца испортит наши бальные туфельки, но, думаю, она, как и мы с сестрой, была рада отдышаться после пыльной дороги. Тенистый парк плавно перетекал в сад, полный цветов. Заприметив уютный уголок возле мраморной статуи, изображающей богиню любви, я чуть было не предложила присесть ненадолго, но мама была решительно настроена «отвоевать место под солнцем», т. е. протиснуться ближе к трону. А жаль: там, возле статуи, еще был небольшой прудик, в котором, я уверена, плескались декоративные карпы.

Если бы позволяли приличия, матушка бы бежала до самых распахнутых дверей, но рядом шли такие же разодетые гости. Много знакомых лиц, но никто не останавливался, чтобы перекинуться парой слов — все шли к воротам, словно мотыльки на свет. И хоть я не ждала от этого вечера никаких сюрпризов, сама мысль, что мы окажемся во дворце и увидим королевскую семью воочию, заставляла сердце сладко сжиматься в предвкушении. От волнения я даже не смогла оценить внешний вид дворца. Большой, со множеством башенок — не самое тонкое описание для подобного архитектурного шедевра.

И вот двери, украшенные сеткой из белых роз. Очередь из гостей, ждущих, пока об их приходе заявят. Грозный шепот мамы о том, чтобы мы не забывали улыбаться.

Наша очередь!

Поскольку церемониймейстер представлял всех гостей, о нашем приходе тоже объявили, хотя в той какофонии звуков вряд ли кто услышал о прибытии графини Тремейн с дочерьми: музыка, смех и разговоры, разговоры, разговоры... Вся знать королевства — неудивительно, что празднество заняло полдворца.

Боги, какой размах! За все время моей светской жизни я ни разу не видела столь большой и красивой залы: только окна были в высоту метров двадцать. Хрустальные канделябры люстр — каждый размером с нашу прихожую — висели в два ряда над головой, и свет свечей разлетался радужными искорками по всему залу. Помимо этого, вдоль стен стояли массивные напольные канделябры из золота, к счастью — довольно высокие, так что дамы не рисковали своими пышными прическами.

Потолок был разрисован и украшен искусной лепниной. Картины изображали предков нынешнего короля: сцены охоты, присяга лордов, сражения — все говорило о силе трона. Даже пол в этом зале был настоящим произведением искусства — не воощенные доски, а изящная мозаика: цветочный орнамент по бокам и антропоморфные изображения ветров и морей в обрамлении звезд. К сожалению, сотня кружащихся пар значительно мешала полюбоваться этим местом.

В конце зала можно было разглядеть подиум, на котором расположилась королевская семья. По краю, предусмотрительно отделенному от танцующих пар чередой диванов, открывался проход, дабы вновь прибывшие гости могли засвидетельствовать свое почтение королевской семье. Снова очередь! Однако медленное продвижение к трону позволяло спокойно оглядеться вокруг.

Оживление, витающее в воздухе, так сильно отличалось от скуки обычных приемов. Дело не только в размахе: наверное, само присутствие короля придавало балу атмосферу таинства. А может, все чувствовали, что присутствуют на знаменательном событии, если бал и вправду устроен лишь для того, чтобы представить свету невесту принца.

— Надеюсь, вы меня не опозорите, — сказала мама шепотом, когда от короля нас отделяла пара человек. — И помните: в любой сложной ситуации падайте в обморок! — Я с трудом подавила смешок от подобного наставления, и главное — столь своевременного.

Наконец наступила наша очередь. То ли благодаря тренировкам в простынях, то ли мы не были так плохи, как утверждала матушка, но наше приветствие королевской семье прошло гладко. Мы не упали (ни так, ни в «обморок»), не споткнулись и присели в реверансе довольно изящно. Даже блеск короны и яркий пурпур одежд короля не смутили нас.

Все заняло меньше минуты, так что мы с сестрой не успели толком рассмотреть принца. Запомнились лишь его глаза необычного зеленого цвета и темные волосы. И что, в общем, принц был просто загляденье. Очень милый. Хоть и очень уставший, по крайней мере, мне так показалось. Представляю, как тяжело приветствовать тысячу гостей, притом что все смотрят на тебя, как на зверушку в зоопарке!

Обогнув королевский подиум и оркестр, мы оказались возле столов с угощением. Очевидно, их поставили так специально, чтобы гости, пригубив шампанского, пришли в себя после встречи с королевской четой. Мы с Анастасией потянулись было к бокалам, но мама резким шлепком веера остановила нас.

— Никакого шампанского! Вам еще танцевать, — сама же подхватила один из бокалов. Мрачно переглянувшись, мы с сестрой отошли от стола. Здесь столько красавиц, что наши шансы потанцевать находились в опасной близости к нулю.

«Вот бы мистер Пенроуз был здесь», — вдруг подумалось мне. В самом деле, было бы здорово, если бы он увидел меня в таком красивом платье, мы бы покружились в танце. Потом он бы принес мне шампанского... От сладких мечтаний меня прервал легкий удар локтем от Анастасии. Оказывается, мама нашла нам двух бедолаг в качестве партнеров для танца. Молодые люди (ну, честно, будь они на пару лет моложе — это походило бы на похищение детей) с ошеломленным видом шли за мамой.

— Девочки, знакомьтесь: мистер Фредерик Джеймс, будущий лорд Сатерленд, и милорд Артур Стюарт, виконт Марлей. Господа, позвольте представить вам моих дочерей: Анастасию и Дризеллу де Трмейн.

— Очень приятно!

— Прекрасный вечер, господа.

— Вы, кажется, хотели потанцевать? — маман легонько стукнула ближайшего молодого человека по плечу.

— Да, — виконт Марлей в панике оглянулся на матушку, а потом повернулся ко мне. — Не окажете мне честь?

— Да, и вы мне, леди Трмейн? — мистер Джеймс также смирился с судьбой и протянул руку Анастасии.

— Благодарю, милорд!

Юный виконт был довольно симпатичным: русые волосы, серые глаза. Будь он лет на десять старше, я бы даже поблагодарила маму, но сейчас я чувствовала себя соучастницей преступления. Стараясь приободрить мальчика, я успокаивающе улыбнулась. От волнения или в качестве мести паренек несколько раз прошелся по моим ногам, но зато мы ни разу не споткнулись (в отличие от Анастасии с ее партнером). В общем, и я, и виконт вздохнули с облегчением, когда музыканты закончили играть.

Однако, пока мы танцевали, мама успела приметить в толпе графиню Торрингтон с сыновьями. Говард и Генри были давно женаты (самый младший сын графини, Гарри, еще пребы-

вал в частной школе), но матушка полагала, что лучше женатый партнер, чем вообще никакого (для танцев, разумеется, исключительно для танцев). Так что не успели мы толком поздороваться с ее сиятельством, как мама подтолкнула нас к ее сыновьям. К счастью, мы уже не раз танцевали с ними (и они держались куда лучше юных партнеров). После кадрили с Говардом и Генри мама наконец разрешила нам немного передохнуть и спокойно пройти вдоль стены (к сожалению, в противоположную от закусок сторону).

Через пару танцев мама заволновалась, что мы: а) слишком отделились от трона и б) давно не танцевали. Взглядом истинной великосветской матроны мама быстро нашла «скучающих без пары» молодых людей и уже было направилась в их сторону, как вдруг ее внимание привлекла суматоха возле главных дверей — тех самых, возле которых стоял церемониймейстер.

— Что за шум? — раздраженно спросила мама (потенциальные кавалеры успели улизнуть). — Неужели на бал пытается проникнуть нежелательное лицо? Как глупо и какое неуважение!

Теперь уже большинство гостей смотрели в сторону дверей, даже часть танцующих пар остановилась, чтобы понять причины всеобщего оживления. И вот мы узрели причину — это была девушка. И она была... нереальной красавицей!

Музыка смолкла. Все взгляды были направлены на прекрасную незнакомку. Она словно вышла из сказки — настолько ее красота выделялась среди всех приглашенных дам. И платье... платье тоже было поистине волшебным: голубое, хотя назвать его просто голубым значило бы оскорбить всю палитру оттенков этого творения. Оно переливалось и сверкало, словно морские волны в солнечный день. У него не было обилия рюшей, только ворот был украшен маленькими бабочками, но осиная талия и пышная юбка (боги, наверное, сотни нижних юбок!) создавали силуэт настоящей принцессы.

Очарованные появлением незнакомки, гости не сразу поняли, что происходит: как море расступилось перед Моисеем, пары в зале разошлись, пропуская вперед принца. Он шел навстречу незнакомке — и вот они уже кружатся под звуки вальса, а гости, вместо того чтобы танцевать, стоят по бокам и смотрят, смотрят, смотрят на эту пару. Постепенно люди начали приходить в себя, послышались шепотки, всех волновал лишь один вопрос: кто она? Ведь всем, кто видел эту пару, было ясно — принц нашел себе невесту.

Музыканты играли что было сил, но их труды могли оценить лишь пары, расположившиеся ближе к оркестровому подиуму, — остальным приходилось напрягать слух, чтобы попасть в такт. Духота и полное отсутствие танцевальных партнеров заставили меня выйти на воздух — благо двери из залы вели в королевский сад (и мама отвлеклась на разговор с графиней Торрингтон). Всему королевству было известно, что правитель обожает гортензии и что в королевском саду множество разновидностей этого цветка. Прогулявшись по тенистым аллеям, я поняла, что пора возвращаться в зал, к яркому приличному свету, но так не хотелось вновь окунаться в потную толчею!

Неожиданно мне в голову пришла крамольная мысль поискать тайную поляну с качелями. О ней мне поведал как раз один из братьев Торрингтон — Говард. По его словам, это было любимое место покойной королевы — именно там король сделал ей предложение. На этой поляне должен был находиться небольшой фонтан, а также качели в окружении розовых кустов. Мне это представлялось как кусочек райского сада, и сегодня, наверное, единственная возможность, когда я могу увидеть все это воочию.

Проблема была в том, что я смутно помнила путанные объяснения Торрингтона, как пройти на эту поляну. Что-то насчет того, что перейти в нее надо по коридорам во дворце, а из самого сада в нее не попасть. Пытаясь припомнить инструкции Говарда, я вернулась к зале, но не вошла обратно, а обогнула ее по галерее с колоннами. Так. Дальше, вроде бы, надо найти

коридор с большими фамильными портретами королевской семьи. Поплутав минут десять, я снизошла до прямого вопроса одному из стражей и по его указке вышла-таки в нужное место.

Уже дойдя до конца коридора, я невольно замерла у портрета нынешнего принца. Хорош, ничего не скажешь! На миг я представила, что это не незнакомка в платье с бабочками, а я танцую с принцем, что он прижимает меня к себе и я чувствую жар его ладони на спине. Внутренности сжались в комок. Ох, не стоит думать о таком! Надо найти поляну, покачаться, отдохнуть и вернуться в зал, пока матушка не начала искать меня.

Очнувшись от пустых фантазий, я открыла дверь коридора и оказалась на балконе; внизу находился пустынный зал. Возможно, выход к скрытой поляне располагался на противоположной стороне. Вот только с балкона был лишь один выход — гигантская лестница вниз, столь широкая, что по ней могли пройти в ряд двадцать человек.

При спуске я поняла, что без корсета и каблуков было бы куда легче. Одолев полпути, пришлось остановиться, чтобы отдышаться. И зачем строить такие лестницы во дворце?! В качестве оборонительных позиций? Я где-то читала, что с высоты легче обороняться, и рыцарям в доспехах явно было бы тяжело одолеть эту проклятую лестницу! Но я так просто не сдамся. Спустившись, я облокотилась на зеркало, занимавшее полстены. Кровь так громко стучала в ушах, что я не сразу поняла — часы бьют полночь. Надо где-нибудь присесть. Не успела я оглянуться в поисках дивана, как сбоку распахнулась дверь и на меня налетела девушка. От неожиданности (чуть сердце не остановилось!) до меня не сразу дошло, что это та самая прекрасная незнакомка. Что-то было в ее взгляде, что-то промелькнуло. Страх? Она от кого-то бежит?

— О, извините, не хотела вас задеть! — быстро извинилась она, а я все не могла отдышаться: голова продолжала кружиться, и голос девушки звучал как-то приглушенно, будто из-за стены.

Воздух словно сгустился, стало тяжело дышать. Я видела, как девушка быстро поднимается по лестнице. Можно сказать, бежит. И как только это у нее получается? Такая хрупкая на вид и в столь тяжелом платье... Нет, ну с таким количеством нижних юбок оно не может быть легким. Это просто чудо! Или все-таки страх? Что ее так напугало? На нее кто-то напал? Она уже хлопнула дверью, ведущей в коридор.

И тут вспышка — яркая искорка — что-то выпало у нее на лестнице. Поднявшись по ступенькам, я понимаю, что это туфелька, причем самая странная из всех, что я видела в своей жизни. Туфелька из хрусталя! Боги, да кто эта женщина?! Ведьма? Я подняла нестандартную обувь: тяжелая, такую легко потерять, но и бежать без туфли явно неудобно — как можно не заметить потерю? Значит, девушка так спешила, что решила не останавливаться. Сзади раздался крики, где-то за стеной бежали люди. Меня кольнуло неприятное предчувствие, резко захотелось домой.

«А вдруг я все неправильно поняла и за девушкой никто не гнался? Что, если она что-то украла у короля?» Я поспешила обратно в парадную залу и, уже подходя к дверям, поняла, что до сих пор держу в руках злополучную туфлю. Кругом были люди, и теперь я не могла незаметно оставить ее на какой-нибудь полке. Ничего не оставалось, кроме как спрятать ее в складках платья.

«Глупо, так глупо с моей стороны». Я успокаивала себя тем, что гости говорят лишь о внезапном уходе неизвестной красавицы, про кражу или что похуже не было ни слова. Понимая, что маму с сестрой искать бесполезно, я, как и большинство гостей, отправилась обратно к площадке, куда подъезжали кареты, в надежде, что там встречу своих. Так и случилось. Мама отчитала меня за бегство и легкомыслие. Ощущая тяжесть чужой туфельки, я не стала тратить силы на возражения. Все верно, сама легкомысленность — додуматься бродить по дворцу в одиночку (да еще красть обувь). Но мама не особо свирепствовала на мой счет — все-таки мое бегство меркло на фоне исчезновения красавицы.

— Я так и не поняла, кто она? — спросила Анастасия по пути домой. — Принцесса?

— Может, она волшебница? — предположила я, кто еще может носить такую обувь?

— Не говори глупостей, Дризелла. Не знаю, кто она, но такое поведение непроситительно! Умение держать себя в обществе, соблюдение правил приличия — вот что отличает нас от дикарей. Неважно, как она выглядит, для принца эта особа не подходит.

— Не знаю, ее окружает аура таинственности: неизвестно, откуда пришла, внезапно исчезла — это так романтично, — Анастасия явно была в восторге от вечера, я же отмалчивалась, старалась удержать скользкую туфельку так, чтобы мама с сестрой не заметили.

После грандиозного бала во дворце приемы дворян потеряли часть блеска: все-таки трудно тягаться в роскоши с самим королем. Однако именно после королевского приема светская жизнь оживилась — этот всплеск активности главным образом был связан с непреодолимым желанием знатных дам посплетничать о произошедшем на балу. Новостей набралось много: кто с кем танцевал, кто кому стал оказывать знаки внимания, кто во что был одет и, разумеется, скандальная история с прекрасной незнакомкой. На каждом приеме, обеде или званом ужине слышалось: «таинственная принцесса», «поразила принца», «пропала прямо посреди бала». Слухов ходило так много — от самых фантастических, что это была дочь соседнего княжества (весьма недружественного к нашему королевству) и что принц и княжна тайно обвенчались в тот вечер, до более-менее адекватных, что незнакомка пришла во дворец и задержалась там ровно настолько, чтобы успеть очаровать принца Эдуарда. Половина сплетниц утверждала, что знает, кто она; другая гадала, что будет делать принц.

И он не заставил себя долго ждать!

Это случилось во время скучнейшего приема леди Чилстон. Матушка не особо благоволила к ней, но виконтесса Фелисити Чилстон приходилась леди Аргайл двоюродной сестрой, так что маман согласилась прийти на прием. Еда была ужасной, музыка — вполне приятной, но меня никто не пригласил на танец, так что пришлось сидеть подле матери, которая играла в бридж с хозяйкой приема.

— Чудесная люстра, Фелисити, чувствуется обработка старых мастеров. Где, говоришь, ты купила это чудо?

— Муж взял ее на аукционе в поместье Коудрэй. Печально, когда благородным семействам приходится распродавать свое наследие, а все из-за карточных долгов Астора-младшего.

— Постыдная слабость! — отозвалась мама, а я попыталась представить слабость, которую матушка не сочла бы постыдной. Излишняя обеспеченность? Потребность мыть руки каждые пять минут? — Леди Астор надо было вовремя женить сына, тогда у молодого человека не осталось бы времени на подобные глупости.

«Или бы он прокутил еще и приданое жены».

— Кстати, вы слышали, что сегодня утром объявили на всех площадях королевства? Моя горничная все мне рассказала еще до завтрака.

— Ты об объявлении принца?

— Что? — мама явно не хотела признаться, что не понимала, о чем речь, но скрыть никак не получалось. — О чем вы? Что за объявление?

— По поводу исчезнувшей красавицы: принц просит ее вернуться во дворец и обещал награду всякому, кто предоставит сведения о незнакомке с бала.

— Любые сведения? — слова вырвались из уст прежде, чем я успела сообразить, что лучше не привлекать к себе внимание матушки.

— А что? — мама тут же обратила свой испытующий взор на меня. — Тебе что-то известно об этом?

— Нет, конечно! Я просто не совсем понимаю, что принц ожидает услышать, ведь столько народу может прийти во дворец за вознаграждением без доказательств — одни слова, это лишь затруднит поиск девушки с бала.

— Хм-м, пожалуй, ты права, — у меня аж в глазах потемнело от облегчения. — Принц явно потерял голову, о чем он только думал? И куда смотрит король? Ясно же, что подходящая принцу девушка не стала бы вести себя подобным образом. Что бы она ни скрывала — это явно ужасно.

— Но поэтому это так захватывающе! — леди Чилстон, напротив, восторгалась романтическим жестом принца. Мама поджала губы, ее явно раздражал энтузиазм леди Фелисити (хотя, по правде говоря, леди Чилстон раздражала ее вся целиком).

Остаток вечера пролетел незаметно. Все мои мысли были о вознаграждении, обещанном принцем. Я столкнулась с той девушкой, и у меня, прости Господи, до сих пор лежит ее туфелька. Вдруг это может помочь принцу в поисках? Могу ли я рассчитывать на награду? И стоят ли эти гипотетические деньги реального гнева матушки, если она узнает о моем визите во дворец по столь сомнительному поводу? Но, помимо возможного гнева мамы, я видела и другую картину: вознаграждение может стать моим билетом на свободу. Уеду подальше от маман и ее бесконечных придирок, смогу дожидаться получения наследства и может... выйду замуж за джентльмена не совсем нашего круга. С каждым мгновением идея поездки во дворец становилась все привлекательней. В конце концов, что я теряю? В худшем случае слуга принца скажет, что предоставленные мной сведения не являются достаточными для вознаграждения, и я вернусь домой ни с чем (о самом кошмарном варианте, когда мама узнает об этом, не хотелось даже думать). К окончанию партии маман я уже приняла решение: все, завтра я еду во дворец!

Глава 3

Утром я долго не могла решить, что надеть. Вечернее платье не подходило, а все дневные казались слишком простыми для посещения дворца. Вполне возможно, что я предстану перед самим принцем — надо выглядеть на уровне. Я даже попросила Анастасию затянуть мне корсет, хотя у нее это выходило туже, чем у миссис Бэгшоу, но мне не хотелось привлекать внимание к своим сборам. К счастью, в гардеробе нашлось нечто более-менее подходящее: платье из шелка молочного цвета с драпировкой из атласных лент. Вечерний наряд, но из-за цвета смотрится более торжественно — то, что нужно. С прической вышло хуже, но для того и существуют шляпки. Темно-синий бархатный плащ дополнил мой наряд.

Я не знала, как лучше упаковать туфельку: страшно представить, что будет, если она сломается по дороге. Поэтому на всякий случай я перемотала ее толстым шерстяным шарфом, прежде чем аккуратно убрать в сумку.

Нанять карету не представляло особого труда, другое дело — сделать это незаметно от болтливых соседей. Я сделала крюк, чтобы добраться до каретного ряда незамеченной. Сердце гулко стучало в висках, я по-прежнему не была уверена в правильности своего решения. Эта афера с вознаграждением могла дорого обойтись. Представив на миг, что матушка про все прознала, я чуть было не повернула назад. Нет! Это глупо. Мне нечего бояться. Я ничего не украла — ну, то есть я взяла туфельку без спроса, но незнакомка ее потеряла, я же не стащила туфельку силой. Мое поведение в худшем случае сочтут странным, предосудительным, но не преступным. Значит, я встречу с представителями принца, расскажу, что видела, отдам туфельку и, возможно, получу за это награду. Все просто.

Возница, похоже, решил, что я собираюсь сбежать с любовником; наверное, зря я надела белое платье. В любом случае — мало ли у знатной особы причин приехать ко двору? Всю дорогу я мысленно репетировала речь: хотела найти спрятанный сад, наткнулась на таинственную красавицу, подобрала туфельку.

«Они решат, что я сумасшедшая. А вдруг меня арестуют? Надеюсь, что тогда меня сразу казнят, это будет гуманнее, нежели встреча с матушкой после тюрьмы». В итоге я так себя накрутила за время поездки, что при подъезде к воротам дворца меня колотила крупная дрожь. Я договорилась с кучером, что он подождет не меньше трех часов.

— Что-то вы больно бледная, мисс, — заметил возница мне вслед. Я так нервничала, что не нашлась с ответом и просто улыбнулась.

Не успела я войти в двери, как ко мне подлетел один из дворцовых слуг, который ничуть не удивился, услышав причину моего визита. Очевидно, после объявления о награде к принцу пожаловало множество «свидетелей». Боже! Вдруг он так раздражен всеми этими свидетельствами, что не примет меня?

Придворный паж привел меня в комнату на втором этаже.

— Подождите здесь, миледи, его высочество прибудет позже, — с этими словами юноша закрыл дверь, и я осталась совсем одна. Значит, все-таки сам принц. Если бы не волнение, я бы даже обрадовалась, что доведется рассмотреть принца получше. Но сейчас... я бы предпочла поговорить с кем-то из его доверенных лиц.

Как и все убранство дворца, комната была богато украшена: отделка светлых тонов (белое с золотом), элегантная мебель. Чтобы унять дрожь в коленях, я присела на один из диванов. Весьма удобно для мебели с таким количеством деревянных рюшей. В горле пересохло, надо было попросить стакан воды. Окинув комнату взглядом, я заметила вазу с фруктами, там был и виноград — может, взять пару ягодок? Но пока я раздумывала, за дверью раздались шаги.

— Его Высочество принц Эдуард, — паж зашел на мгновение раньше принца. Я поспешила присесть в реверансе.

— Морган, ты можешь идти. Добрый день, леди Тремейн, не так ли?

— Да, Ваше Высочество, леди Дризелла Тремейн, — я сама не знала, зачем назвала полное имя принцу; право, такое имя, как у меня, лучше скрывать.

— Прошу, леди Дризелла, присаживайтесь, — сам принц, однако, остался стоять. — Может быть, вы желаете чаю?

— Благодарю, Ваше Высочество, я сыта, — в этот раз я смогла хорошенько рассмотреть его лицо: прямой нос, широкие скулы, пронзительно-зеленые глаза в обрамлении темных ресниц. Принц не выглядел раздраженным, скорее взволнованным — это немного успокоило меня.

— Вы хотели сообщить некие сведения? — мягко напомнил принц.

— Да, Ваше Высочество, дело в том, что в тот вечер... Я должна уточнить, что не знаю лично ту девушку и не могу назвать ее имя, однако мы с ней столкнулись совершенно случайно. Поскольку я оказалась недалеко от лестницы, по которой она сбежала, то есть поспешно покинула бал... — под пристальным взглядом принца я совсем растерялась и словно позабыла все занятия по риторике. Слова лились неровным потоком. — И когда мы столкнулись... то есть чуть позже, когда она сбежала, я заметила туфельку.

— Туфельку? — удивленно переспросил принц Эдуард.

— Да, она столь необычна, что это точно ее. То есть я видела, как она ее обронила, — с этими словами я достала из сумочки замотанную в шарф находку.

— Вы позволите? — принц осторожно взял этот сверток. Его длинные пальцы ловко развернули накрученные мною слои шарфа, и вот извлеченная туфелька засияла радужными брызгами. — Поразительно! Хрустальная туфелька... вы правы, она может принадлежать только ей. И значит, вы видели ее совсем близко? Большинство свидетелей, которых мы успели опросить, утверждали, что видели ее лишь издалека; даже церемониймейстер затрудняется сказать, как она выглядела.

— Мы говорили не более минуты, Ваше Высочество. Я, как и господин церемониймейстер, не смогу дать точное описание этой красавицы.

— Но все же вы разговаривали с ней, — в глазах принца появилось странное оживление. — Прошу вас, леди Тремейн, вы еще можете мне помочь найти ее. Позвольте отвести вас к Магистру Виларду — придворному колдуну моего отца. Он может поискать след незнакомки с помощью магии, и нужно, чтобы вы побеседовали с ним.

— Король использует магию? — почему-то эта новость меня неприятно удивила.

— Да, чаще всего для слежки за передвижением войск соседей, ну и немного за Председателем Государственного совета — герцог Ратленд довольно скользкий господин, за ним нужен глаз да глаз.

«То есть слежка за соседями и собственными гражданами — вот она, настоящая политика».

Как я могла отказать принцу? Спустя мгновение мы отправились на встречу с придворным колдуном. Спустившись по лестнице, вышли в длинный коридор, точнее — это были смежные комнаты; просто все двери были открыты, и создавалось впечатление, что перед тобой один большой коридор из разноцветных лоскутков.

— Чьи это покои, Ваше Высочество?

— Гостевые, для иностранных послов, часть занимают придворные, когда приезжают по приглашению короля во дворец. Сейчас здесь идет уборка, но такой путь быстрее, к тому же я не хочу привлекать излишнее внимание к вашей персоне.

«Излишнее внимание мне и впрямь было ни к чему».

Принц шел длинным, размашистым шагом, так что мне приходилось чуть ли не бежать за ним. Вскоре мы достигли угловой комнаты и там повернули в открытую дверь, находящуюся

справа от нас. Это был выход на очередную лестницу: винтовую, уходящую в темноту. Ноги в легких туфельках заныли от ужасного предчувствия.

— А может, есть другой путь, по которому я могу спуститься, Ваше Высочество?

— Не бойтесь, этот спуск только кажется таким крутым. На самом деле здесь легко спуститься, и это самый быстрый способ выйти к амбулатории магистра Виларда.

«Легкий», как же! Может, в удобных мужских туфлях он легкий, но не с этими каблучками. Как назло, я надела самую неудобную (и, что естественно, самую красивую) свою пару туфель. На ногах они смотрелись прекрасно, но вот идти в них больше сотни метров было настоящей пыткой.

Носили ли вы когда-нибудь туго зашнурованный корсет? Ради эффектного образа сегодня я попросила сестру затянуть корсет потуже, и теперь крутой спуск давал о себе знать. Принц легко перепрыгивал со ступеньки на ступеньку — ни одышки, ни испарины, — я же сползала со скоростью улитки (и с хрипами умирающего медведя). Не прошло и пяти минут, как я споткнулась и чуть не скатилась с лестницы, словно в дурно написанном романе, но принц успел подхватить меня на руки (да, тоже как в дурно написанном романе). У меня перехватило дыхание — это случилось так быстро: р-раз — и я уже в надежных руках принца.

— С-спасибо! Извините за беспокойство, Ваше Высочество, я в порядке, можете меня опустить.

— Вы уверены? — принц внимательно осмотрел мое красное потное лицо (исключительно из-за пробежки в корсете!). — Вы выглядите уставшей.

«Неужели?!»

— Это я должен просить у вас прощения, леди Дризелла. Торопясь, совсем не подумал, каково тут спускаться леди. Может, все-таки спустить вас на руках? Тут осталось совсем немного.

— НЕТ! Уверяю, в этом нет нужды.

— Хорошо, — принц улыбнулся и бережно опустил меня на ноги.

Он не шутил: до конца лестницы было всего два завитка. Мы вышли на тенистую дорожку — башни дворца перекрывали ей все солнце. Недалеко виднелась большая круглая хижина.

— Это амбулатория Виларда. Он ночует там чаще, чем во дворце, хотя у него есть отдельные покои.

Заходить в хижину колдуна было жутко, но при этом и интересно. Я никогда не сталкивалась с кем-то, владеющим магией (хотя матушка была уверена, что Золушка — ведьма). Я представляла себе пыльную комнату с чучелами животных и многочисленными банками со всякой жутью, но реальность оказалась куда прозаичнее.

Когда колдун открыл дверь на стук принца и тот галантно пропустил меня вперед, передо мной предстала стерильно чистая комната с большим столом возле окна. Повсюду лежали книги, было несколько шкафов с закрытыми дверцами, а также полки, на которых и впрямь были банки, но из темного стекла, так что их содержимое оставалось тайной.

— Добрый день! — сам знаменитый колдун внешне очень походил на моего учителя французского: те же кустистые седые брови, небольшие темные глаза, вот только господин Асселино был высоким, тогда как магистр Вилард был ниже меня на голову. — Вы, очевидно, прибыли свидетельствовать о госте Его Высочества?

— Да, я видела ее на лестнице, мы столкнулись, когда она убегала из потайного сада — она обронила туфельку, и я... принесла ее.

— Замечательно!

— Это поможет найти ее?

— Мне надо изучить материал, вы позволите?

Принц передал туфельку колдуну, тот зачем-то взвесил туфлю в руке. Затем подошел к столу и прочел над ней какое-то заклинание. Ничего не произошло, я невольно ощутила

разочарование — мне казалось, что вот-вот откуда-нибудь появится дым и мы услышим, как безликий голос назовет имя обладательницы туфельки. Похоже, принц тоже был разочарован результатом осмотра:

— Ты что-нибудь почувствовал? Или надо больше времени?

— Нет, — колдун провел пальцем по гладкой поверхности удивительной туфельки. — Всего времени мира не хватит, чтобы найти магический след по этой туфельке — это именно колдовство, ваше высочество.

— То есть? — нахмурился принц.

— Это значит, что туфельку создали специально для ее обладательницы, а это, в свою очередь, несет ряд последствий: никто, кроме ее хозяйки, не сможет надеть данную туфельку, даже если кажется, что размер совпадает, а еще у такой магии нет следа, так что найти хозяйку туфли я не в силах.

— И это все? Ты ничем не можешь помочь?

— Почему же! Я сказал, что мы не сможем определить хозяйку по туфельке, но у нас есть нечто более ценное — свидетель, — при этих словах колдун посмотрел на меня.

— Но ее видело полкоролевства и сам принц...

— Я уже пытался поработать с памятью принца, но чувства его высочества мешают переносу образа.

— Ты считаешь, что леди Дризелла может стать донором для портрета? — принц с восторгом посмотрел на меня, отчего по спине сразу побежали мурашки.

— Конечно! Она видела ее достаточно близко — нос к носу, можно сказать, похоже, ближе чем кто-либо на балу, кроме вашего высочества, так что из нее должен получиться прекрасный донор.

— О чем вы говорите? — спокойно спросила я, стараясь не выдать своего желания выбежать из хижины и не останавливаться, пока не окажусь дома.

— О! Не беспокойтесь, это несложная процедура и совсем безболезненная.

— *Совсем безболезненная?*

— Магистр Вилард может перенести образ из памяти человека на холст, то есть по вашим воспоминаниям у нас будет портрет незнакомки, и это облегчит нам поиски.

— Хорошо, а что для этого требуется?

— Ничего особенного, просто присядьте сюда, в удобное кресло. Вам комфортно?

Мне не было комфортно! Нет, кресло, в которое меня усадил колдун, было вполне мягким, но вот сама ситуация вызвала сильный дискомфорт.

— Да, — пискнула я в ответ: все-таки подвергаться магическому воздействию было боязно.

— Замечательно! Теперь расслабьтесь, закройте глаза. Вернитесь мысленно в вечер бала, в то место, где вы столкнулись с девушкой.

Я почувствовала, как воздух в помещении начал сгущаться, запахло сильно нагретой медью.

— Как она выглядит? Постарайтесь вызвать ее образ максимально четко.

— Она... она очень красивая, настолько, что захватывает дух, ее платье переливается голубым и синим, в золотых волосах искорки, глаза... глаза... у меня кружится голова!

— Это нормально, сосредоточьтесь на ее лице. Вы начали говорить о глазах, какого они цвета?

Но слова колдуна о «норме» меня не успокоили: голова кружилась все сильнее, и при этом я не могла открыть глаза — они словно перестали мне подчиняться. Карусель ярких картинок завертелась передо мной в бешеном темпе: «Все волнами, от нее исходят волны, она искажает мир вокруг, глаза... глаза голубые».

И наступила тьма.

Меня подташнивало... да что уж там, я отчаянно нуждалась в посещении уборной, и немедленно! Голова будто налилась свинцом, где-то вдалеке звучали голоса:

— Ты говорил, что это легко!

— У девушки, похоже, плохая переносимость магии, поэтому ее так скрутило, ничего сейчас минуточку...

В ноздри ударил едкий запах обыкновенного нашатырного спирта. «Как прозаично!», — в который раз подумала я.

Кто-то сильный приподнял меня.

— Вы очнулись? Слава богу, я уже хотел бежать за лекарем. Извините меня, я раньше не слышал о людях с плохой переносимостью магии.

— Это довольно редкое качество, — радостно улыбающийся колдун был первым, что я увидела, окончательно очнувшись от обморока.

— Не получилось? — я искренне расстроилась, заметив холст, на котором проступило лишь пышное голубое платье незнакомки. Столько мороки, и все напрасно — вознаграждения мне теперь не видать.

— Да, портрет сделать не получится, но при погружении в вашу память мне было откровение.

Мы с принцем растерянно переглянулись — похоже, он тоже не знал, что это значит.

— И это откровение гласит, что именно вы, леди Тремейн, расскажете принцу, кто наша таинственная красавица.

— Но я понятия не имею, кто она! — мне стало крайне неловко от того, с какой надеждой принц смотрел на меня. И зачем колдуну понадобилось говорить такие вещи?!

— Я понимаю, но это значит, что вы первая найдете эту женщину. В любом случае, без вас принц не узнает о своей избраннице.

Я хотела объяснить колдуну и принцу, что это полный бред, но силы окончательно покинули меня.

— Вы так побледнели, леди Тремейн, — принц не на шутку взволновался. — Это из-за обморока? Магистр Вилард, что можно сделать? Наверное, все же стоит обратиться к лекарю?

— Да нет, Ваше Высочество, этот упадок сил быстро пройдет после элементарного приема пищи. Дайте юной леди поесть, и бледность как рукой снимет.

При одной мысли о еде мне стало дурно, но Его Высочество не дал мне времени на возражения и умчался во дворец за едой. Я бы возгордилась таким проявлением внимания со стороны королевской особы, но мне было ясно, что принца больше волнует возможность найти свою невесту, нежели мое здоровье.

— Я не могу помочь найти красавицу, ваше предположение абсолютно неверно, уверяю вас, — все, что мне удалось прошептать мастеру Виларду, хотя хотелось кричать.

— Вам это только кажется, миледи, — колдун беспечно махнул рукой. — Найти эту девушку — ваша судьба, так что не переживайте из-за этого.

Принц вернулся довольно скоро с небольшой тарелкой булочек.

— Я приказал принести сюда ваш обед, пока мы ждем слуг, прошу вас, попробуйте эти профитроли с клубничным кремом.

Сказал бы мне кто вчера, что на следующий день принц будет угощать меня любимыми пирожными своей покойной матери, я бы рассмеялась. Не желая оскорбить Его Высочество, я взяла одно из пирожных. Есть не хотелось совершенно, но стоило только первому кусочку окатиться у меня во рту, как по телу пробежала теплая волна. Пирожные были восхитительными! Нежный и одновременно густой крем с ярким вкусом клубники. Тесто, вместо привычного картонного вкуса профитролей, было сливочным и теплым. Уже после первой пироженки мне стало лучше — перестала кружиться голова.

Остальная еда не заставила себя долго ждать — вереница пажей столпилась у входа в лабораторию колдуна. Домик не был предназначен для королевского обеда, мастер Вилард поспешно освободил место на столе, отодвинув несколько склянок и алхимический куб с бурлящей жидкостью внутри. Пожалуй, это была самая странная трапеза за всю мою жизнь: в домике колдуна, рядом с алхимическими приборами и в компании принца.

После продолжительного периода жизни на «готовке» Золушки блюда королевской кухни предстали для меня божественной амброзией. Одних только салатов я насчитала двенадцать! Из основных блюд мне больше всего понравилась говядина под соусом из вяленых оленьих язычков и миндальный молочный рис, который на удивление хорошо сочетался с пулярдой в соусе из можжевельных ягод. Десерт из груш, фаршированных шоколадно-ореховой начинкой, завершил наш обед.

Принц и колдун почти ничего не ели. Будучи в экстазе от еды, я не сразу ощутила смущение от подобной ситуации, но его высочество так приветливо улыбался, а колдун был погружен в какие-то расчеты, что я сумела восстановить душевное равновесие — к концу обеда я ощущала лишь сонное умиротворение. Да, пусть мне не удалось получить вознаграждение, но эта поездка определенно не была пустой тратой времени!

— Вам лучше? Вы уже не столь бледны.

— Да, Ваше Высочество, со мной все в порядке, спасибо за беспокойство... и за обед. Жаль, что я не смогла помочь вам в вашем поиске более существенно.

— Помогите-помогите, не переживайте об этом, — похоже, магистр Вилард пропустил мимо ушей все мои возражения на сей счет.

— Я провожу вас, — принц Эдуард был более тактичен: он не стал настаивать на моем дальнейшем участии в поиске, хотя, возможно, тоже скептически воспринял «откровение» колдуна. В любом случае Его Высочество любезно проводил меня до кареты (на этот раз мы шли более длинным путем по улице, за что я была благодарна — новый забег по той лестнице я бы не осилила).

Пока мы шли, принц, как и подобает джентльмену, вел со мной светскую беседу о погоде, цветах, что мы видели. В общем, о всяких глупостях, не упоминая ни «откровение» магистра Виларда, ни провал с написанием портрета. Мама была бы мной довольна в этот момент (потому что от всего остального она пришла бы в дикую ярость), я с легкостью находила пустые вежливые фразы для разговора с принцем. Было и волнительно, и грустно одновременно; пожалуй, хоть затея с вознаграждением провалилась, никто не стал бы отрицать, что это было настоящее приключение. Жаль, что не смогу рассказать о нем сестре (она наверняка проболтается подругам).

При расставании принц еще раз поблагодарил меня за приезд:

— Благодарю вас за ваш визит, леди Тремейн, и примите мои искренние извинения за случившееся в амбулатории. Я бы никогда не стал просить вас о подобном, зная, что это грозит обмороком.

— Уверю вас, обморок печалит меня куда менее, нежели тот факт, что я не смогла помочь Вашему Высочеству в поисках. Надеюсь, вы скоро встретите ту девушку.

И самое странное — я правда желала ему найти ее. Всем сердцем.

Глава 4

Ночью мне приснился странный сон. Я стояла на пристани возле большого корабля и чувствовала, что на нем уплыву далеко-далеко от общества, от матушки. Ощущение свободы наполняло меня от пяток до макушки, я была уверена в своей силе, в своей смелости — очень необычное чувство. И тут у меня за спиной раздался мужской голос: «Вы готовы, миледи?» Я повернулась, внутренне ожидая увидеть мистера Пенроуза, но передо мной оказались фантастические изумрудные глаза принца. Он смотрел на меня прямо как... как на прекрасную незнакомку с бала.

Сердце сделало кувырок, и я проснулась.

На утро я объяснила себе столь вызывающе глупый сон чересчур обильным обедом во дворце. Да, организм отвык от нормальной пищи и отреагировал такими... нелепыми фантазиями, о которых я не могла перестать думать. Все было так реалистично: и корабль, и принц, и это ощущение свободы.

К сожалению, именно сегодня матушка решила устроить показательный урок музыки. Мы с сестрой, наподобие военных, что бывают на учениях перед возможной войной, упражнялись в музыкальном искусстве на случай, если маман решит нас оценить. После переезда мы тренировались самостоятельно, без учителя музыки. И Анастасия весьма преуспела в игре на фортепиано, чего нельзя было сказать обо мне. Нельзя сказать, что я вообще не играла — в конце концов, я провела за уроками музицирования не меньше Анастасии. Я могла сыграть большинство из того, что играла сестра, но разницу исполнения заметил бы и самый неискушенный любитель музыки. Мне не хватало легкости рук сестры: она могла исполнять мелодию так, что казалось, это сам инструмент поет. Тогда как моя игра была больше вымученной — не знаю, кто страдал от нее больше: я или слушатели.

К счастью, матушка не заставляла нас играть на публике, в отличие от других матерей, желающих продемонстрировать таланты дочерей. Хотя Анастасия вполне могла блеснуть талантом, не краснея, но мама то ли сама не любила музыку, то ли считала, что излишняя любовь к музицированию непривлекательна для потенциальных женихов. Так что мы играли лишь дома.

Это всегда происходило после завтрака — за чашкой кофе мама вдруг вспоминала, что давно не слышала, как мы играем.

— Вдруг на этот раз вы меня удивите? — обычно язвительно добавляла она.

Вот и сегодня, не успели мы с сестрой соскрести пародию на яичницу с тарелок, как мама перешла в наступление:

— Пожалуй, сегодня мне стоит посетить ваш урок музицирования, девочки. Я не уверена, что без учителя вы тренируетесь достаточно усердно, но, милостивый Боже, я не хочу краснеть, выслушивая от *musicien provincial* (фр. провинциальный музыкант), что у вас плохо поставлены руки. Надеюсь, сегодня вы меня не разочаруете.

Мы с сестрой мрачно переглянулись — не надо было ходить к гадалке, чтобы узнать ответ: разочаруется маман или нет. Но мамин порыв — как стихийное бедствие: не знаешь, когда наступит, не можешь прекратить, остается лишь надеяться на лучшее и, стиснув зубы, переждать непогоду.

Анастасия решила играть первой, разумеется, — чего ей бояться? Сестра села за фортепиано, а я на лавсит напротив; мама же осталась стоять. После быстрого проигрывания гамм («Дорогая, я не хочу потратить все утро на ваше занятие — прошу тебя, играй настоящую музыку!») она исполнила вальс Клементи. Как всегда, хорошо.

— Что ж, довольно сносно, дорогая. Только твой стиль исполнения... Насколько я помню, это произведение нужно исполнять *allegro*, тогда как у тебя вышло скорее *allegretto*.

Чуть быстрее — и можно сыграть на публике. А теперь уступи место сестре. Давай живее, Дризелла, я обещала прогуляться с маркизой.

«Как будто это мы просили о ее присутствии на уроке!»

С тяжелым сердцем я села за инструмент. Не стала утомлять маму игрой гамм — все равно не поможет. Я начала играть Каприс Гуммеля. Это была не самая плохая игра, но матушка сумела продержаться лишь одну страницу нот:

— Все. Этого достаточно! Ну как ты можешь так плохо играть, Дризелла? Ты совсем не стараешься, прояви хоть каплю усердия. Право, тебе стоит тренироваться в два раза больше сестры. Даже дочери торговцев играют лучше! Тебе должно быть стыдно за такую игру. Я надеюсь, что в следующий раз ты сыграешь как подобает леди, а теперь мне пора. Я и так задержалась с вашими занятиями.

— Не переживай, — шепнула мне сестра, когда мама вышла из комнаты. — Ты играла неплохо, чуть сбилась в середине, но в целом — неплохо.

— Спасибо, но если даже ты недостаточно хороша, то я не стану такой никогда — это не мое, ты же знаешь.

— Зато ты лучше рисуешь, вот увидишь: через пару дней она захочет увидеть, как мы рисуем, и там уже будет обратная ситуация.

— У меня «приемлемо», а у тебя «руки-крюки»? — Анастасия рассмеялась, но тут же испуганно оглянулась на дверь: не хватало еще, чтобы мама услышала.

Вечером, после ужина, мы, как обычно, сидели в гостиной: мама отвечала на приглашения, мы с сестрой читали. Мама не одобряла наше увлечение романтическими историями, настаивая, что в первую очередь юная леди должна читать классические произведения древнегреческих философов (на языке оригинала, разумеется), затем трагедии и драмы Шекспира, в крайнем случае — Байрона (когда хочется легкого чтения). Однако недовольство матушки имело пределы: она не запрещала нам читать иную литературу, тогда как сестры Аргайл прятали свои романы от глаз маркизы. Единственное, в чем проявлялась мамина натура в нашем чтении, — это появление специальных книг для юных леди: всевозможные руководства по этикету, ведению домашнего хозяйства и управлению слугами, и самое жуткое — приемы для привлечения жениха.

Вот и сегодня, закончив с письмами, мама достала одну из «тех самых» книг:

— «Достойная женщина — это тонкий нежный плющ, что поддерживает могучий дуб — ее мужа. Она придает ему мужества: кто захочет ударить в грязь лицом перед своей избранницей? Он дает ей жизненный стержень, она дарит ему нежность и заботу». Что ты поняла из этого, Анастасия?

— Что мужчины — дубы! — я, не выдержав, захихикала, но под грозным матушкиным взглядом быстро утихла.

— Каламбур — низшая форма юмора, Анастасия. Это означает, что женщина должна быть воплощением кротости и добропорядочности — от нее зависит репутация мужа.

— А вот в книге «Этикет любви, ухаживаний и брака» говорится, что женщина не поднимает мужчину до того положения, которое она занимает в обществе, а опускается на его уровень; тогда как мужчина, напротив, поднимает женщину за собой, как бы низко она ни стояла до этого.

— Пусть так, хотя и это довольно спорное утверждение. Если кто-нибудь из дворян надумает жениться на простолюдинке, его просто перестанут принимать в высшем обществе. Светский мир не терпит мезальянсов, даже брак герцога с дочерью торговца будет *honte et déshonneur* (фр. позор и бесчестие)! А что касается репутации — ее в первую очередь оценивают по поведению жены, поскольку мужчины часто несмышлены, как дети.

— Но при этом они опора и стержень? — я рисковала, так дразня маман, но уж больно скучными были эти бесконечные уроки этикета. Лет в пятнадцать я следовала всем правилам безукоризненно, но затем, чем чаще выезжала в свет, тем больше понимала, что дворяне придумали все эти правила, чтобы было что нарушать. Главное — сохранять видимость приличия, а что ты вытворяешь на самом деле — большинству просто плевать.

— Тебе стоит помнить другое изречение, Дризелла: не стоит держать в своем доме ничего бесполезного или некрасивого. Как ты сама понимаешь, дорогая, ты должна быть полезной, если хочешь выйти замуж. Что до красоты... Графиня Торрингтон на днях посоветовала мне новую книгу месье А. Уолера, у нее такое длинное название. Кажется: «Женская красота, как сохранить и улучшить ее с помощью правильного образа жизни, чистоплотности и правильной одежды». Нам непременно надо приобрести несколько экземпляров.

Как это часто бывало от маминых слов, внутренности превратились в студень. «Бесполезная — разве это не про меня? Жениха нет, принцу не смогла помочь, на фортепиано играю ужасно... Что я вообще могу сделать хорошо?» Мне вновь вспомнился сон — вот бы оказаться сейчас на этой пристани. «С Грегори или с принцем?» — ехидно спросил внутренний голос, очень похожий на мамин.

На следующий день у нас был запланирован ужин у маркизы Аргайл, чему я была очень рада. Во-первых, ее дочери Аннабель и Элизабет были нашими подругами, а во-вторых, у маркизы трудилась одна из лучших поварих столицы (хотя при нашей «диете» любая профессиональная повариха была бесподобна). Поскольку народу собиралось немного — наша семья, сестра маркизы и парочка кузенов Аргайл, — я выбрала для вечера неброское платье из серебристого диагоналя с искусной драпировкой верхней юбки. Незабудки, вышитые шелком на корсаже, приносили в образ нежности. Повинуясь порыву, я взяла голубые перчатки вместо серых: пусть это дешевый ход, но они так чудно гармонируют с вышивкой. Анастасии понравилось, мама поворчала насчет «мещанского вкуса» дочерей, но не заставила переодеваться, что уже было хорошо.

Каждый наш визит к маркизе заставлял меня задуматься о том, насколько атмосфера в их доме отличалась от нашей. Конечно, в отличие от нас, у них было полно прислуги, и этот танец горничных, лакеев, дворецкого перед гостями добавлял суматохи. Но было и другое отличие: семья Аргайл была по-настоящему шумной. Маркиза всегда говорила громко, как торговки на рынке, даже если человек находился не дальше вытянутой руки. Аннабель и Элизабет постоянно спорили (чем очень напоминали нас с Анастасией — что поделать, сестры). Только мы спорили, когда нас никто не видел, а сестры Аргайл не стеснялись выяснять отношения даже на приеме у герцогини. При этом они спорили с таким пылом, что казалось, скоро будет драка, но это была лишь видимость, и сестрички очень возмущались, если кто-нибудь из гостей сочувствовал одной из них по поводу «скандалистки-сестры».

Сегодняшний вечер ничем не отличался от прочих: в доме стоял гвалт, прерываемый громогласными фразами хозяйки поместья:

— ДОРОГИЕ МОИ!

— Сестры Тремейн наконец приехали.

— Ты наступила мне на подол, Лиззи!

— Я?!

— ...МАЛЬЧИКИ УЖЕ... В ГОЛУБУЮ ЗАЛУ...

— Сама виновата!

— ДЕВОЧКИ, НЕ ССОРЬТЕСЬ !

— Ты прекрасно выглядишь, Элоиза, — матушка небрежным движением плеч смахнула накидку, и услужливые руки лакея моментально подхватили манто. — Новое платье? Очень элегантное.

— БЛАГОДАРЮ, РЕШИЛА ПОПРОБОВАТЬ ЭТОТ НОВОМОДНЫЙ ФАСОН, НО ВМЕСТО ШЕЛКА ВЫБРАЛА АТЛАС, ТАК И СКАЗАЛА МОДИСТКЕ: «ШЕЛК ЭТО ДЛЯ ЮНЫХ БАРЫШЕНЬ, А Я ДОЛЖНА СООТВЕТСТВОВАТЬ СТАТУСУ, ТАК ЧТО, ЛИБО АТЛАС, ЛИБО ПАРЧА — НА МЕНЬШЕЕ Я НЕ СОГЛАСНА!» — сказала маркиза.

— Правильно, дорогая, этим модисткам только дай волю — из любви к искусству совсем забывают о приличиях.

— ЧТО МЫ ВСЕ ГОВОРИМ, А МАЛЬЧИКИ СТРАДАЮТ ОТ ГОЛОДА, — всполошилась хозяйка дома.

Но она напрасно переживала: «мальчики» 36 и 42 лет от роду наслаждались перед едой хорошей порцией бренди. Мама брезгливо поджала губы, но всего на мгновение (как-никак маркиза была второй ее ближайшей подругой).

Когда со всеми представлениями и расшаркиваниями было покончено, мы наконец-то приступили к еде: первым блюдом был суп по-рейнски (куриный бульон с добавлением белого мяса, сливок и вареных желтков). Далее шли горячие блюда: мерланг, запеченный под хлебными крошками, вареная треска под устричным соусом, телячья грудинка, курица с карри и рисом — м-м-м, пальчики оближешь! Корсет мешал насладиться едой по-настоящему; я видела отражение невыразимой печали в глазах Анастасии, когда слуги уносили тарелки с почти нетронутыми блюдами. Эх, заевшиеся кузены маркизы Аргайл, знали бы вы, каково это — есть пригоревшую курицу с непонятным рагу на гарнир.

Вторая перемена блюд тоже радовала глаз и желудок: индейка, фаршированная каштанами под каштановым же соусом, вареная баранья ножка с соусом из каперсов и нежнейшее пюре из репы. На десерт была ванильная шарлотка, «кабинетный пудинг» (приготовленный на пару пудинг из хлеба с сухофруктами), апельсиновое желе, бланманже и мороженое.

И все было бы прекрасно, если бы не кузены, а именно старший Аргайл — виконт Майлз Кроунберри, который, как всем было известно (поскольку виконт говорил об этом при каждой встрече минимум три раза), был членом Дворянского собрания. И вот сегодня он опять начал петь дифирамбы главе собрания — герцогу Ратленду.

— Это великий человек! — с жаром выпалил виконт, как только нам подали суп, я еще к ложке не успела прикоснуться. — Если бы не он, в королевстве царила бы полная анархия!

— НУ ЖЕ, КУЗЕН, — маркиза неловко попыталась урезонить своего родственника. — А КАК ЖЕ КОРОЛЬ И НАСЛЕДНИК? ПО-МОЕМУ, ПРИНЦ ЭДУАРД ВЕСЬМА...

— Этот пустоголовый красавчик — настоящая беда Ольденбургов, да-да, его светлость так и сказал на последнем собрании... ну, не совсем на самом собрании, скорее после него... — до виконта дошло, что он сболтнул лишнего, поэтому он сразу перешел к сплетням о принце, что, дескать, король хочет обойти своего собственного сына и передать трон племяннику — Джеймсу Гамильтону, герцогу Абернкорну.

— Этот Гамильтон — толковый парень, — поддержал кузена Мишель. — Так ловко провел переговоры с Ганноверцами, комар носа не подточит — договор заключили на крайне выгодных для нашего королевства условиях.

— Вот-вот, а править должны лучшие, поэтому...

— ПОЭТОМУ НАСЛЕДНИКОМ ОСТАЕТСЯ ПРИНЦ ЭДУАРД, — резко сказала маркиза, очевидно опасаясь репутации изменщицы в великосветских кругах. — И ДОВОЛЬНО ОБ ЭТОМ, ЕСЛИ ВАМ УГОДНО ПОГОВОРИТЬ О СОБРАНИИ, ПЕРЕЙДИТЕ В КАБИНЕТ. А ЕЩЕ ЛУЧШЕ ПООБЕЩАЙТЕ, ЧТО ДОБУДЕТЕ ГРАФИНЕ ПРИГЛАШЕНИЯ НА ЕЖЕГОДНЫЙ БАЛ В ПОМЕСТЬЕ ГЕРЦОГА РАТЛЕНДА, РАЗ ВЫ ТАК ДРУЖНЫ.

— Я постараюсь, тетушка, хотя обещать не могу.

— Довольно грубо обойти в вашем стремлении мою семью, дорогой виконт, — грозно сверкнув очами, матушка заставила виконта побледнеть. — Или вы полагаете, что я и мои дочери недостаточно высокого положения для приема герцогини?

— Нет-нет, что вы, госпожа графиня, я... просто...

— КОНЕЧНО НЕТ, ДОРОГАЯ. ВИКОНТ ДОСТАНЕТ ДЛЯ ВАС ЭТИ ПРИГЛАШЕНИЯ ИЛИ Я ЗАПРЕЩУ ВСЕ РАЗГОВОРЫ О СОБРАНИИ В ЭТОМ ДОМЕ.

Виконт кивнул, красный как рак; что ж, никто бедолагу за язык не тянул — не надо было упоминать герцога Ратленда при маман.

— ВОТ И СЛАВНО, — подытожила маркиза. — НЕ ТЕРПИТСЯ ПОКАЗАТЬ ВАМ ИХ РОСКОШНОЕ ПОМЕСТЬЕ. ДОЧЬ ГЕРЦОГА НЕДАВНО ВЕРНУЛАСЬ ИЗ-ЗА ГРАНИЦЫ. МАТЬ ОТСЫЛАЛА ЕЕ К СВОЕЙ СЕСТРЕ, ДЕСКАТЬ, МАНЕРЫ ЗДЕШНИХ ДАМ НЕДОСТАТОЧНО УТОНЧЕННЫ ИЛИ ЧТО-ТО ВРОДЕ ТОГО. КАК БЫ ТО НИ БЫЛО, ГОВОРЯТ, ЧТО ЮНАЯ ГЕРЦОГИНЯ — НАСТОЯЩИЙ АНГЕЛ: УМНА, КРАСИВА, ИЗЯЩНАЯ, В ОБЩЕМ ОБРАЗЕЦ ДЛЯ ВСЕХ БАРЫШЕНЬ.

Мы с Анастасией и дочерьми маркизы мрачно переглянулись — только этого «ангела» нам не хватало до полного счастья.

Ужин затянулся, хоть это и противоречило правилам хорошего тона; однако возможность наконец-то появиться на балу у герцогини захватила умы матушки и леди Аргайл: они строили планы, обсуждали фасон подходящих нарядов, а заодно (в тысячный раз!) обсудили приличных холостяков (т. е. подходящих для дочерей графини и маркизы). Анастасия и Аннабель с Элизабет перемывали косточки злосчастной леди Ратленд (по слухам, за ее прекрасной внешностью скрывалась крайне неприятная личность).

Домой мы вернулись около полуночи и сразу разошлись по спальням. В какой-то мере мне повезло, что все так утомились, — иначе Анастасия явно заглянула бы ко мне перед сном и увидела большой конверт с королевской печатью. Он лежал прямо на столике возле кровати. Такой... официальный. Печать была цела; наверное, его доставили, когда мы были на ужине.

Дрожащими пальцами я вскрыла конверт:

«Досточтимая леди Де Тремейн!

Я прошу вас удостоить меня визитом не далее как завтра пополудни по данному адресу: Аскот, 19, Королевский тракт.

С уважением, Его Высочество Эдуард Ольденбургский».

И все.

Более ни строчки.

Что за Королевский тракт, 19? Где это? Я не слышала раньше об этом месте. И как прикажете туда добраться?

Полночи я провела, ворочаясь в постели, пытаюсь придумать повод для столь долгого отсутствия: дорога до загадочного адреса, разговор с принцем (сколько бы он ни занял... но вряд ли долго, да?), возвращение домой. На это уйдет полдня! Что мне сказать матушке? Стоит ли рассказать правду сестре? А вдруг она разболтает девицам Аргайл? И мне ведь надо снова нанять экипаж. Ох, столько всего надо продумать. И зачем принцу понадобилась еще одна встреча со мной? Ясно же, что я не могу ему помочь.

Задремав лишь под утро, я встала с ощущением разбитости, но, по крайней мере, мне удалось придумать повод уйти из дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.